ISSN 0130-7673

НОВЫЙ МИР

1

2012

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Старый знакомец рассказал, какую «змеюку» убил на рыбалке, и автор вспомнил собственные встречи со змеями Задонья.

- Борис Екимов
  - ○

Борис Екимов
ЗМЕЮКА

Приходит ко мне старый знакомец и сообщает:

— Ездил рыбалить. Такую змеюку убил… Здоровенную!

— Она рыбалить мешала тебе? — спрашиваю.

— Она молчаком подкралась, — объясняет приятель. — Я сижу и не вижу. Потом углядел: змеюка на солнышке пристроилась, греется, прямо возле меня.

— Это ты к ней пристроился, — пытаюсь доказать ему. — Приехал, уселся. А она там живет. Ну взял бы да и прогнал, если места мало. А чего убивать?

— Да это же змея, гадюка, ядовитая. Еще тяпнет.

— Нужен ты ей… Тебя тяпать. Да у нас и гадюк не осталось. Ужака, наверное, убил.

— А то я ужака не знаю. У него желтое пятно. Это была точно гадюка. Черная. Я ее как тяпнул. Прямо в голову попал.

— Молодец, — говорю. — Справился.

Приятель мой — человек славный, добрый. Но вот змея ему помешала. И не только ему.

Помню детские годы. Змей в ту пору было в достатке. Били их почем зря. Особенно в лесистом займище и Задонье, куда весною ребятня устремлялась на вольную волю. Зорили птичьи гнезда, забирая яйца, тут же их жарили на костре, кормились. Время было голодное. Искали дикий чеснок, корни «козелка», объедались щавелем, «калачиками», «китушками», цветом акации, вязиля, мышиного горошка. А еще били змей. Они в эту весеннюю пору плыли через Дон, с луговой стороны на горную. Здесь их и били. Помногу. Устраивали «змеиные деревья», развешивая на ветвях мертвых змей.

Что это было: юная жестокость или врожденное ли, внушенное отвращение, ненависть к «гадам»? Не знаю. Ужей не трогали. Взрослые внушали: «Не обижайте ужей». Их, бывало, ловили, игрались и выпускали на волю. У парней взрослых даже забава такая была. Вечером взять ужака на танцы и под рубашкой на шее завязать, чтобы не видно. А потом, когда с девушкой танцевать начинаешь, голова ужака вдруг из ворота рубашки высовывается. Тут и визгу и смеху — всего хватает.

А вот змей убивали. Рассказывали всякие страшилки про их укусы: смертельный яд и прочее. Хотя за свою долгую жизнь не помню, чтобы в наших краях кто-нибудь умер от змеиного укуса. Ни прежде, когда змей было много, ни тем более теперь, когда их

мало осталось.

Умирали, погибали в ту давнюю пору от голода, снарядов, мин, болезней, которых хватает и теперь, а еще — автомобили, поезда, самолеты: под колесами, на рельсах, в авариях; тонули и нынче тонут в Дону, озерах, а бывает, что в луже. Много всяких смертей, иногда редкостных: бык забодал до смерти, с лошади упал и убился, молния погубила, солнечные удары. Травились грибами, ягодами, домашними консервами, вяленой рыбой, поганым пойлом. Пчелы зажаливали до смерти, осы. Словом, на веку, как на долгом волоку, всего хватает. Но не помню: не видел и не слыхал, чтобы в наших краях кто-нибудь умер от укуса змеи.

В детстве рассказывали страшные байки о «желтопузах» — самых больших в наших краях змеях, длиною до двух метров и в руку толщиной. Рассказывали, что «желтопуз», разозлясь, надувает на хвосте огромную шишку, которой может убить человека и даже машину разбить. От него не уйти. Он колесом сворачивается и катит, мчится, догонит любую машину, а человека тем более. И как брякнет с разгону. Спасенье от него — косогор. Убегать надо косогором, по которому он будет соскальзывать вниз.

Все это были, конечно, лишь байки, не более. «Желтопуз», а точнее — полоз, хоть и большая змея, но безобидная, у него и яда нет. Большая, красивая, нынче ее мало кто видит. Разве что в зоопарках, в террариумах. Но это — в клетке. А все мы — люди и звери — хороши на воле. Змеи тоже. Как легко она скользит по земле и траве! Быстрое текучее движение мускулистого тела. Любопытно смотреть, как змея ловит рыбу. Из засады или под камнями рыщет. Просто лежит, греется на солнцепеке: на тропинке, на береговой коряге. Красивая животина. Но, повторюсь, очень редкая нынче. А кто виноват?

Помнится случай, который теперь уже не забудется; хотя он давний, в моей взрослой, немолодой уже поре.

Приехал на хутор погостить. Время славное: начало лета. Жаворонки поют, красавцы удоды, скворцы заливаются, переливчатые щуры, сизоворонки, ласточки со щебетом носятся, ныряя в коровьи стойла, в курятник. Там у них гнезда. Ласточек я люблю. Милая птица-касаточка. Но в моем поселке они давно уже не селятся. А сколько их было! Полный двор. В коровнике гнезда, на открытой веранде и даже в летней кухне и в коридоре. Ничто им не помеха. Знают, что хозяева лишь на ночь двери прикроют, а весь день — нараспашку. Гнездо ли, птенцов — не тронут.

Но давно уже ласточки в поселке не селятся. Наверное, стало шумно и коров нет.

А на хуторе — воля. Я люблю ласточек. Приеду гостевать, с

ними здороваюсь, слушаю их щебетание, проглядываю все гнезда, где в свою пору объявляются невеликие крапчатые яички, а потом птенцы, ласточата.

Так было и в этот раз. Приехал, огляделся, ласточкины дома попроведал. В курятнике, в коровнике. Но в этот приезд что-то было с этими птахами неладно: в коровнике два пустых гнезда, хотя пора уж птенцам там пищать. Они и пищали, но лишь в одном гнезде, в третьем. В курятнике та же песня: пустое гнездо.

И добрая хозяйка подтвердила: неладно с ласточками. Она объяснила:

— Яички были во всех. И птенчики вывелись. А потом стали пропадать. Одного нет, другого… И ласточки так кричат, так кричат. Я на сорок грешу. Пойду погляжу — сорок вроде нет. А птенчики пропадают. Думала, из гнезда падают. Искала. Нет… А ласточки порою так кричат, надрываются. Летают, вьются. А сказать не могут. Может, это крысы?..

Я еще раз пошел, оглядел сараи, птичники, которые ютились под единой просторной крышею. Сорок не приметил. Крыс — тоже. Хотя они, конечно, шкодят. Цыплят и утят таскают, яйца крадут. Осмотрел пустые гнезда, повздыхал, пожал плечами. Ничего не понял.

Но вскоре подоспела тревога. Ласточки закричали все разом, заметались, черными молниями ныряя под сарайную крышу и вылетая на волю. Громко явственно пищали птенцы, уже большие, оперенные, из гнезда последнего.

Я поспешил в сарай, стал глядеть. Сорок там не было. На земляном полу, затолоченном соломой да объедьями, тоже птенцов не увидел. Они громко пищали в единственном живом гнезде, которое прилепилось под самой крышей на вязовом неошкуренном стояке. Отчаянно пищали птенцы, с криком метались ласточки.

Я стоял в недоуменье, осматривая плетневые, глиной промазанные стены, шеломистую крышу из сухого желтого рогоза-«чакана». И вдруг углядел в проемах сухих пучков медленно перетекающее желто-белесое узорчатое брюхо толстой змеи и точеную плоскую головку ее, возле самого гнезда. Змея замерла. Я тоже в первую минуту замер. Какой-то страх неожиданный, а еще омерзение, тошнота. Это желтое с белесью брюхо, скользящее, какое-то противное. И голова возле самого гнезда, от меня недалеко. Неморгающие глаза.

Но мой страх был коротким, крыша сарая — низкой; рядом стояли вилы с крепким коротким череном. Я взял их в руки.

Змея почуяла опасность. Пестрое, понизу желтое тело ее стало перетекать в камышовых проемах, пытаясь уйти, скрыться.

Но я успел точно ударить зубцами, зацепить и не сразу, но выдрать змею из ухоронов камышовой крыши. И тут же на месте добил ее. А потом выбросил на забазье обмякшее тело большой двухметровой пестрой змеи с плоской головкой и видимым утолщением в том месте, где находился проглоченный ею птенец.

Сердобольная хозяйка подошла, заохала:

— Вот она всех и погубила, гадина. И откуда она взялась? Сроду такого не было. Сороки, карги, крысы, хори шкодят. И еще эта змеюка. Спасибо, вы увидали.

Такой вот был случай на хуторе. Полоз узорчатый называется эта змея, ныне редкая.

Змею я убил. Четыре ласточонка благополучно выросли, чем я немало гордился. От верной смерти спас.

Но вот потом, позднее и до поры нынешней, гордость помаленьку ушла, и, вспоминая тот день, я сокрушенно вздыхаю. Красивая была змея — двухметровый полоз: чешуя гладкая, блестящая; оливково-серый верх с черно-пестрым узором, ярко-желтое, даже оранжевое брюхо. В солнечном свете все это играет переливами. Сильная, красивая змея, даже мертвая.

И разве он был виноват, этот полоз, что ему надо жить своей жизнью, не нами установленной, и кормиться, чем велено? Сами ведь хрустим косточками: рыбьими, птичьими, другими…

И совесть не больно мучает.

Тут рассуждать можно долго. Теперь вот через время я жалею красавца полоза. И птенцов-ласточат, конечно, тоже. Кто же не любит ласточек? А вот «змеюку»… не грех и «тяпнуть».